

На правах рукописи

Корякин Кирилл Валерьевич

**Социальные и культурные аспекты адаптации
мигрантов-армян в Краснодарском крае (1988-2006 гг.)**

Специальность 07.00.07
этнография, этнология и антропология

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва 2007

Работа выполнена в Центре по изучению межэтнических отношений
Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
РАН

Научный руководитель:

член-корреспондент РАН Ю.В. Арутюнян

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук А.Е. Тер-Саркисянц

кандидат исторических наук О.Е. Казьмина

Ведущая организация:

Институт социологии РАН

Защита состоится 29 мая 2007 г. в 14.30 на заседании Диссертационного совета К.002.117.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата исторических наук при Институте этнологии и антропологии РАН по адресу: 117334 Москва, Ленинский пр-т, 32-А, корп. В

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке института этнологии и антропологии РАН.

Автореферат разослан “27” апреля 2007.

Ученый секретарь Диссертационного совета
кандидат исторических наук

О.Б. Наумова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы

Интенсивная международная миграция является неременной чертой жизни современной России. Развитие средств транспорта, транснациональная экономическая активность, крах плановой экономики, утрата государством силовых средств регулирования – эти обстоятельства все больше стимулируют внутреннее и трансграничные перемещения населения. Присутствие многочисленных переселенческих сообществ при наличии возможностей свободного развития различных культур способствует большему разнообразию стратегий адаптации и интеграции в многогранном принимающем обществе, альтернативной прежде почти единственно легитимной ассимиляции. При этом развитие новых, непривычных для ряда консервативных общественных институтов и слоев процессов, происходит не без проблем, порождаемых оппозицией лидеров и групп, обеспокоенных изменением прежнего общественного уклада, возможной утратой позиций власти, желающих использовать ситуацию неопределенности в своих политических и экономических целях. Отсюда – острота дискуссий вокруг вопросов миграции, которая, тем не менее, является естественным и неизбежным явлением.

Новые для российского общества и отечественной науки социальные и культурные аспекты миграции остаются недостаточно изученными. Кроме того, многие исследования ангажированы политически. В таких работах часто доминируют силовые, нормативистские, охранительные подходы, обычна некомпетентность в вопросах этнической культуры, игнорирование точки зрения самих мигрантов на ситуацию. Подобное восприятие миграции во многом обусловлено доминирующим общественным дискурсом, целенаправленно формируемым заинтересованными сторонами и транслируемым СМИ. В общественном сознании России миграция ассоциирована с преступностью, распространением наркомании, межэтническими конфликтами. Выводы, которые ошибочно предлагаются в этой связи – ограничение миграции, выдворение мигрантов, даже уже долгое время проживающих в России и т. п. Подобные выводы не ориентированы на решение действительных причин преступности, экономической неустроенности, социального неравенства и конфликтов. В основе антиобщественных проявлений – отнюдь не культурные особенности, которые якобы изначально подталкивают иноэтничных мигрантов на путь преступления, а социальная неустроенность и бесправие переселенцев, которые значительно обостряются той войной без правил, которая развернута против мигрантов в нашей стране.

В данной диссертации предпринимается попытка исследовать проблемы адаптации и интеграции на примере сложносоставной этнокультурной группы в специфическом общественно-политическом контексте с учетом внутренней структуры и специфики. В качестве исключительного объекта исследования выбираются мигранты-армяне, подробно анализируются факторы, влияющие на их

адаптацию и интеграцию, в контексте миграции подробно рассматривается деятельность армянских общественных организаций.

Объект и предмет исследования

В качестве объекта исследования в работе выступают мигранты-армяне, переселившиеся в Краснодарский край после 1987 г.

Специфика выбранного объекта заключается в следующем:

1. Мигранты-армяне - крупнейшая переселенческая группа, чья доля в отдельных районах сопоставима с коренным населением.
2. Мигранты-армяне представлены группами различного географического происхождения (из Азербайджана, Грузии, Армении и др.), что определяет, во-первых, этнокультурное разнообразие в рамках умозрительной армянской общности, а, во-вторых, отличие от коренного населения Краснодарского края, включая коренных армян.
3. Начиная с 1987 г., миграция армян в Краснодарский край приобретает вынужденный, стрессовый характер. Динамика миграции характеризуется резкими всплесками и спадами, что обусловлено действием вынуждающих причин. Однако, наряду с беженцами, среди мигрантов-армян значительна доля тех, для кого переселение – самостоятельный выбор.
4. Мигранты-армяне представляют собой весьма активную в плане социальной самоорганизации группу населения, лидируя по численности этнических общественных организаций.
5. Переселенцы вступают во взаимодействие не только с теми представителями местных жителей, которые предпочитают “русскую”, “славянскую” или “кубанскую” идентичность, но и многочисленным коренным населением армянского происхождения.
6. С конца 1980-х гг. наличие многочисленной группы переселенцев-армян, приехавших сравнительно недавно, и значительной группы армян-старожилов создает альтернативные возможности адаптации и интеграции мигрантов в Краснодарском крае.
7. Указанные процессы протекают на фоне часто негативных настроений в общественном мнении, целенаправленно формируемых заинтересованными сторонами и СМИ.
8. Адаптацию и интеграцию армян-мигрантов в Краснодарском крае существенно осложняют специфические ограничения, применяемые здесь в противоречие федеральному законодательству.

В качестве предмета исследования выступают процессы адаптации и интеграции мигрантов-армян в Краснодарском крае.

Степень изученности темы

Тема адаптации мигрантов-армян в Краснодарском крае в той или иной мере затрагивается в различных историко-этнографических и социологических исследованиях отечественных авторов. Наиболее многоплановый характер в

этом отношении имеют труды А.Е. Тер-Саркисянц¹. Большая часть этих работ исследует историю заселения края армянами, их хозяйственной, общественной деятельности и взаимоотношений с российскими властями, включая правовые, экономические и социально-политические аспекты (Тер-Саркисянц, 1993 (в соавторстве с В.Ц. Худавердяном), 1996, 1998, 2002). В некоторых исследованиях затрагиваются проблемы, связанные с массовым притоком армян-мигрантов в современный период, анализируются нормативные документы, принятые органами региональной администрации для ограничения въезда, регистрации и экономической деятельности переселенцев (Тер-Саркисянц, 1992, 1996). Эти работы посвящены в основном периоду начала 1990-х гг., когда ситуация в крае была наиболее острой и нетерпимость к мигрантам-армянам достигала своей высшей точки.

Вопросы истории заселения Краснодарского края армянами изучались другими исследователями и ранее. Один из первых трудов такого рода – сочинение Ф.А. Щербины, специально посвященное этнографической группе черкесогаев или “горских армян”². Также большой интерес представляют исторические труды Н.Г. Волковой (1966, 1974), Ц.П. Агаяна (1978, 1994), Л.А. Погосяна (1981, 1990), Ж.А. Ананяна и В.А. Хачатуряна (1993), а также ряд других. По истории армян Краснодарского края также выходили работы в Армении на армянском языке, но в данном исследовании они по ряду причин не рассматриваются. Из последних трудов исторического характера наибольший интерес представляет диссертация М.С. Симоняна, в которой, наряду с привлечением обширных историко-этнографических данных, затрагивается тема деятельности армянских общественных организаций³. Правда, приходится отмечать, что она по сей день является наименее изученной, хотя и представляет большой научный интерес. Армяне-мигранты Краснодарского края стали объектом изучения только в единственном исследовании, которое проводила А.А. Хастян в 2000-2001 гг.⁴. Конкретно речь шла о группе информантов, численностью 225 чел., проживающих в районе Туапсе. Исследование проводилось для сравнения “потенциала этнокультурной общности” между данной группой и коренными армянами, прожи-

---

¹ Тер-Саркисянц А.Е. Современная этнополитическая ситуация в Краснодарском крае Российской Федерации // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. №30, 1992; Она же. Национальные меньшинства Краснодарского края Российской Федерации: история и современное положение./ Северный Кавказ: этнополитика и этнокультурные процессы в ХХ веке. - М., 1996; Она же. Армяне: История и этнокультурные традиции. – М., 1998; Она же. Армяне в Краснодарском крае: История и современность.– Рязань, 2002; Она же в соавт. с Худавердяном В.Ц. Армянская диаспора Юга России: Положение и перспективы. – М., 1993

² Щербина Ф.А. История Армавира и черкесогаев. - Екатеринодар, 1916

³ Симонян М.С. Армянская диаспора Северо-Западного Кавказа: формирование, культурно-конфессиональный облик, взаимоотношения с властью, общественными и религиозными организациями: кон. XVIII- кон. XX в. Дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. – Краснодар, 2003

⁴ Хастян А.А. Армянские субобщности на Северном Кавказе: факторы социокультурной адаптации. Дисс. на соиск. уч. степ. канд. социол. наук. – Ростов-на-Дону, 2001

вающими в Туапсе (300 чел.) и Ростовской области (“донские армяне” – 249 чел.).

Необходимо упомянуть некоторые небезытересные работы, непосредственно не посвященные армянской проблематике, но связанные с темой данного исследования, поскольку в них либо приводятся важные сведения о мигрантах-армянах, либо затрагиваются более общие вопросы миграционной политики администрации Краснодарского края, нетерпимости по отношению к переселенцам и т. п.

Правовой статус мигрантов в Краснодарском крае после принятия соответствующих ограничительных нормативных документов является предметом ряда трудов А.Г. Осипова, в которых рассматривается главным образом период 1990-х гг. (2002, 2004). Этой теме посвящены также исследования О.А. Оберемко и М.М. Кириченко (2001), И.В. Кузнецова (2004), В.И. Мукомеля (2005), Анализ принципов формирования политики в отношении мигрантов в регионе проводится также в работах М.В. Саввы (2003) и С.Минц (2002) .

С точки зрения представления социального контекста адаптации и интеграции в Краснодарском крае определенный интерес представляют работы В.Н. Петрова и С.В. Рязанцева. Результаты исследования В.Н. Петрова, проведенного в 2002 г., в наиболее полном виде представлены в монографии 2004 г.⁵ Автор с помощью анкетного метода изучает вопросы идентичности, межэтнических отношений, социальной дистанции между “местными” жителями и “мигрантами”, где в качестве соответствующего ценза выбран срок проживания на территории Краснодарского края не менее 10 лет. Тот же принцип использует в своем исследовании С.В. Рязанцев, который, рассчитывая получить представительные данные по всему Северокавказскому региону, проводил опрос среди “мигрантов” и “старожильческого населения”⁶.

Цели и задачи исследования

Цели исследования состоят в определении конкретного содержания адаптации и интеграции мигрантов-армян в принимающем обществе Краснодарского края, выявлении роли различных факторов, влияющих на выбор стратегии и эффективность процессов, а также специфики в группах различного происхождения.

Для достижения названной цели потребовалось решить следующие задачи:

- Обосновать теорию и методику исследования.
- Сформулировать и определить основные термины и понятия, используемые в практике исследования приспособления переселенцев к условиям нового местожительства.

---

⁵ Петров В.Н. Миграция населения и этнические мигранты в современной России. – Краснодар, 2004

⁶ Рязанцев С.В. Современный демографический и миграционный портрет Северного Кавказа. – Ставрополь, 2003

- Выявить значимые факторы внешней среды (социально-экономический и политический контекст Краснодарского края) и проанализировать характер их влияние на адаптацию и интеграцию.
- Определить роль в адаптации культурных особенностей, обусловленных географическим и социальным происхождением мигрантов.
- Выявить стереотипы в отношении мигрантов-армян к местным жителям, определить генезис и практику применения этих стереотипов.

Методологическая основа исследования

Теоретико-методологические принципы, на которых базируется данное исследование, получили разработку в трудах как отечественных исследователей (С.В. Антуфьев, Г.С. Витковская, И.М. Кузнецов, С.А. Гришаева, Ж. А. Зайончковская, Н.М. Лебедева, В.Д. Попков, Л.Л. Рыбаковский, Г.У.Солдатова, Т.Н. Юдина и др.), так и в работах иностранных авторов (Т. Абе, А. Акерман, Дж.Берри, К. Больцман, С. Бочнер, П. Бурдые, М. Гордон, Г.-Й. Гофман-Новотны, В. Гмюр, Т. Грэйвс, Х. Койп, Р.Линтон, Б. Наук, Т. Огэй, К. Оуберг, Р. Рэдфилд, Р. Турнвальд, Г. Тэджфил, К. Уард, Т. Файст, А. Фернхэм, М. Херсковиц, Х. Эссер и др.).

Данные об истории заселения Краснодарского края армянами, современном положении местного населения армянского происхождения и мигрантов-армян, а также деятельности армянских общественных организаций получены из работ Ц.П. Агаяна, Ж.А. Ананяна, Н.Г. Волковой, И.В. Кузнецова, Л.А. Погосяна, М.С. Симоняна, А.Е. Тер-Саркисянц, А.А. Хастян, В.А. Хачатуряна, Ф.А. Щербины, и др.

При изучении социально-политического контекста адаптации и интеграции армян-мигрантов в Краснодарском крае автор опирался на исследования А. Кочергина, В.И. Мукомеля, А. Осипова, В.Н. Петрова, В.Н. Ракачева, Я.В. Ракачевой, С.В. Рязанцева, М.В. Саввы, А.Е. Тер-Саркисянц, Н.Р. Шахназарян, и др.

Методика исследования разработана на основе работ А. Богнера, А.С. Готлиб, В. Менца, У. Ньюмана, Г. Фишера.

Источники и методы исследования

Работа основана на полевых материалах автора, и, в первую очередь, записях открытых интервью, проведенных с группой экспертов и мигрантами-армянами, переселившимися в Краснодарский край после 1987 г.

В данном исследовании применение экспертного интервью выполнило две различные функции. В полевом сезоне 2004 г. на этапе первоначального знакомства с исследовательским полем разведывательная экспертиза позволила получить насыщенную информацию о малоизвестных тогда для автора объекте и предмете изучения. В экспедиции 2005 г., когда уже имелось структурированное представление о них, и были четко сформулированы задачи, использовалось систематизирующее экспертное интервью. В 2004 г. в состав информантов вошли компетентные лица, связанные с проблемой миграции, в том числе,

известные исследователи проблем миграции и интеграции мигрантов в Краснодарском крае, журналисты местных газет, обращающиеся к миграционной тематике, армянские деятели культуры и искусства, лидеры общественных организаций, педагоги. В 2005 г. группа экспертов была расширена; кроме лидеров армянских организаций в нее вошли также политические деятели, представители органов власти (сферы образования и регулирования миграции), священнослужители и др.

Круг информантов среди мигрантов был сформирован на основе сочетания метода целевой выборки и “снежного кома”. Этот подход, во-первых, обеспечил выполнение принципа коммуникативной общности, в которой происходит формирование групповой идентичности, а, во-вторых, позволил рассчитывать на искренность ответов респондентов, объединенных чувством солидарности.

Формальными требованиями к информантам были следующие:

- (1) различное отношение к армянским общественным организациям, так чтобы контакты, которые они располагают, не носили бы отпечатка этнического активизма;
- (2) принадлежность к трем различным группам иммигрантов: из Армении, Азербайджана (Баку) и Грузии (Абхазии) (как показало развитие ситуации, границы между этими общностями оказались весьма существенными);
- (3) возраст информантов должен был превышать 16 лет для мигрантов из Армении, 30 лет для мигрантов из Баку и Абхазии (будучи совершеннолетними в период трагических событий в Баку и Абхазии они действительно могли оценить мотивы бегства из семей из Грузии и Азербайджана в Россию);
- (4) информанты представляют различные профессиональные, социальные и возрастные группы, соблюден баланс полов;
- (5) они используют разнообразных стратегий интеграции в принимающем обществе.

В результате такой процедуры отбора были сформированы группы информантов из Баку, Абхазии и Армении. Опрос иммигрантов из Абхазии проводился в полевой сезон 2005 г. преимущественно в районе Сочи, где сконцентрировано большинство мигрантов-армян из Абхазии. Интервью с переселенцами из Баку и Армении проводилось в Краснодаре и частично в Новороссийске соответственно во время экспедиций 2005 и 2006 гг. (иммигранты этой категории предпочитают селиться в крупных городах Краснодарского края, в первую очередь, в самом Краснодаре). Продолжительность интервью составляла до 2,5 ч. Запись бесед с информантами производилась на диктофон с последующей расшифровкой.

Одновременно осуществлялся сбор статистических и иных данных об армянском населении региона, мигрантах-армянах, деятельности армянских общественных организаций. Автором также проводился анализ нормативных документов, издаваемых краевыми органами власти и относящихся к вопросам регулирования миграции, реализации прав переселенцев, политики в области образования на армянском языке. Кроме того, к исследованию привлекались мате-

риалы публикаций СМИ, включая центральные, краевые газеты и печатные органы армянских общественных организаций.

Научная новизна

В данной работе на основе привлечения большого числа зарубежных и отечественных методологических и прикладных научных трудов определены важнейшие понятия, используемые в изучении проблем приспособления переселенцев к условиям жизни на новом месте, показан современный уровень теоретических представлений о культурных и социальных аспектах адаптации и интеграции мигрантов в принимающем обществе.

Умозрительная общность мигрантов, объединяемых в общественном сознании этнонимом “армяне” показана в разнообразии групп, различающихся по происхождению и культурной специфике. Также в работе отражены взаимодействия как между представителями различных групп переселенцев, так и в системе отношений армяне-мигранты – коренные армяне.

На основе открытых доверительных интервью с самими переселенцами проанализированы процессы восприятия ими культурных различий, стереотипизации образов представителей принимающего общества, показано восприятие процессов адаптации и интеграции с точки зрения самих мигрантов. В исследовании выявлены функциональное назначение и роль общественных этнических организаций для сообщества мигрантов и социально-политической системы Краснодарского края в целом.

Практическая значимость

Результаты исследования позволяют по-новому осмыслить проблемы миграции, взглянуть на них с точки зрения представителей разнородной как в социальном, так и в этнокультурном смысле группы мигрантов-армян. Наши данные доказывают условность единства, приписываемого определенными общественными силами и учеными армянам и многим другим культурным группам, являющимися лишь формами определенной политики идентичности. Осознание этого факта необходимо учитывать в исследованиях, где этнические группы рассматривают в виде реально существующих сообществ, которые сравниваются как однородные субстанции. Научные выводы работы могут служить методологической основой для дальнейших более масштабных этносоциологических исследований.

Полученные результаты также могут быть использованы при разработке политики в отношении мигрантов и законодательства, регулирующего деятельность общественных организаций на этнической основе.

Положения, которые выносятся на защиту

- Представление о единой армянской общности Краснодарского края используется в политике идентичности общественных организаций, а также проводится лидерами региональной власти. Однако в повседневной жизни ми-

грантов-армян большое значение имеют связи с более узкими сообществами, объединяемыми общностью географического происхождения и этнокультурной специфики.

- Процессы адаптации и интеграции мигрантов-армян в принимающем обществе протекают под влиянием как внешних факторов (правовое положение, экономические условия, настроения общественного мнения и др.), так и обстоятельств, связанных с социальными и культурными особенностями переселенцев различного происхождения. При этом важнейшая роль принадлежит неформальным связям как в рамках самого иммигрантского сообщества, так и между мигрантами и представителями местного населения.
- Наибольшие трудности в адаптации и интеграции мигрантов-армян в Краснодарской крае связаны с ограничениями их прав, вводимых специфическими нормативными актами региональных органов власти. Это отражается на всех аспектах жизнедеятельности переселенцев и провоцирует негативные установки как по отношению к местной администрации, так и к коренным жителям региона.

Апробация работы

Отдельные результаты исследования были представлены на 4 научных конференциях в Афинах (2004 г.) и в Москве (2005, 2006 гг.). Проблематика диссертации обсуждалась на семинарах в Институте изучения проблем миграции в период стажировки в г. Оснабрюк (Германия). По теме исследования опубликованы 5 научных работ, кроме того, 2 статьи находятся в печати. Диссертация была обсуждена на заседании Центра по изучению межэтнических отношений Института этнологии и антропологии РАН 12 апреля 2007 г. и рекомендована к защите.

Структура работы

Диссертация состоит из Введения, трех глав, Заключения, Списка источников и литературы и Приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность работы, отражается степень изученности темы, обозначаются объект и предмет исследования, его цели и задачи, раскрывается методологическое и методическое содержание, научная новизна и практическая значимость результатов, формулируются защищаемые положения.

В **главе 1** под названием “**Методологические подходы к изучению адаптации мигрантов**” рассматривается история этносоциологического изучения проблем миграции, формулируются важнейшие понятия, применяемые в этом научном

направлении, анализируются наиболее интересные концепции в областях знания, релевантных тематике диссертации. В последнем разделе главы дается обоснование методике исследования.

Место исследований миграции довольно непросто определить в рамках этнологии. С одной стороны, с самого зарождения науки миграция сразу оказалась в центре ее внимания, постоянно стимулируя развитие этих областей знания. С другой стороны, в рамках этнологического знания исследования миграции занимают маргинальное, а точнее приграничное положение. Это обусловлено тем, что в данном случае объект исследования оказывается в центре внимания смежных наук.

Этнологии миграции не существует как таковой. Специфичным в постановке этнологами научных проблем в связи с темой миграции является то, что в большинстве исследований в миграционном контексте анализируются классические для этнологии предметы, как, например, “родство”, “гендер”, “материальная культура” и т. п., или вопросы, связанные с другими областями знания, но попадающие в сферу этнологической науки в связи с их рассмотрением на определенном предметном уровне (“Миграция и колониализм”, “Мигранты в городской среде” и т. п.).

Изучение миграции носит широкий междисциплинарный характер. Основные науки, с которыми в этой связи граничит этнология – социология развития, социология миграции, история, демография, урбанистика и др. Развитие исследований миграции можно выразить с помощью следующей пространственно-временной модели⁷:

- 1) 1920-1940 гг. Деятельность представителей Чикагской социологической школы по изучению последствий миграции в города США из европейских стран и адаптации мигрантов из сельской среды к “типично городским” условиям жизни.
- 2) 1930-1960 гг. Изучение последователями американской школы Культурной антропологии в странах Латинской Америки противоречий образа жизни сельского и городского населения, обнаруживающихся в процессе урбанизации.
- 3) 1940-1960 гг. Исследования приверженцами Манчестерской школы социальной антропологии последствий трудовой миграции для социальной структуры и систем родства в Центральной Африке.
- 4) 1960-1970-е гг. Сосредоточение исследовательского интереса на экономических и политических аспектах изучения миграции, тогда как проблемы культуры как бы уходят на второй план.
- 5) С 1980-х гг. Усиление интереса к культурным факторам, обращение к изучению вопросов этнической и национальной идентичности в контексте нацио-

---

⁷ Ackermann A. Ethnologische Migrationsforschung: ein Überblick. // Zeitschrift für Kulturwissenschaften. Ethnologie der Migration. Ausg. №10. Winter 1997. S.1-28

нального государства как катализатора процессов миграции и самоидентификации.

Наибольший интерес представляет последний период, которому соответствует современное состояние этносоциологических исследований миграции и который характеризуется существенными переменами, обусловленными целым рядом факторов: внутреннее развитие этнологии; философское переосмысление действительности в духе постмодернизма, отразившееся во всех сферах общественных наук; изменение общественных реалий, самого исследовательского поля.

В этот период увеличивается международная мобильность населения, в значительной мере утрачивают свою функцию государственные границы, обостряется проблема беженцев, большинство временных трудовых мигрантов предпочитает остаться в богатых странах, вербовавших иностранную рабочую силу, накапливается критическая масса иностранных граждан проживающих за пределами родины, что ставит под сомнение устаревшие концепции адаптации, аккультурации и т. д. При этом во многом меняется сам характер этнической идентичности, которая теперь стала более динамичной и условной. В то же время обнаружилось существование групп, несмотря на относительно долгое пребывание в принимающей стране, продолжающих сохранять изоляцию. Также оказалось, что процесс интеграции не имеет одностороннего характера, что и само принимающее общество меняется в контакте с инокультурными иммигрантами.

В связи с новыми переменами в научный оборот вошел термин “транснациональность”, по-новому было осмыслено понятие “диаспоры”, которое оказалось теперь весьма востребовано и относится далеко не только так называемым “классическим диаспорам”. Понятие “общности”, прежде воспринимавшееся чаще относительно какого-либо места, приобрело за счет учета сетевого обмена информацией и предметов смысл экстерриториальности. В этнологии в целом происходит постепенное замещение представления о локализованной культуре понятием идентичности.

В качестве важного итога исторического развития исследований миграции можно назвать “этнологизацию”, которая, впрочем, является общей тенденцией для общественных наук в целом. Вместе с идеями и классическими методами этнологии, такими как, например, включенное наблюдение, в общественные науки проникают и вновь разработанные процедуры. Таковыми стали, в частности метод “преследования” и “мультилокальная” этнография. Только с 1980-х гг. социальные и культурные аспекты изучения миграции становятся предметом общественных наук в России. Появляются исследования Л.Л. Рыбаковского, Г.С. Витковской, Ж.А. Зайончковской, Г.У. Солдатовой, Н.М. Лебедевой, Е.И. Филипповой и других отечественных авторов.

Ключевыми понятиями в осмыслении социальных и культурных аспектов миграции являются аккультурация, адаптация, ассимиляция и интеграция. Их эволюция, изменение вкладываемого в них смысла отражает развитие обще-

ственных наук и накопление нового знания о проблемах миграции населения. Проводя подробный анализ семантики этих понятий и их различного употребления, мы подводим итог в сводной таблице, в которой показано наиболее общепринятое разграничение между ними. При этом привлечены работы как российских ученых (Л.Л. Рыбаковского, С.В. Антуфьева, Г.С. Витковской, С.А. Гришаевой, Ж. А. Зайончковской, И.М. Кузнецова, В.Д. Попкова, Т.Н. Юдиной и др.), так и наиболее выдающихся иностранных исследователей (Ф. Акермана, Т. Альбы, Дж. Берри, Р. Билса, Т. Грэйвса, Р.Рэдфилда, В. Крикенберга, Р. Линтона, Р. Турнвальда, М. Херсковица, Х. Эссера и др.).

Семантические различия в употреблении понятий “аккультурация”, “адаптация”, “ассимиляция” и “интеграция”.

Понятие	Уровень действия процесса	Субъект	Объект	Качественное содержание
аккультурация	ценностной, поведенческий	субъектно-объектное отношение не определено, в процессе участвуют индивидуумы и группы со стороны как мигрантов, так и принимающего общества		двустороннее изменение и степень взаимного тождества ценностей, установок, моделей поведения
адаптация	психологический, ценностной, поведенческий	изменяющаяся среда, адаптирующийся индивидуум	адаптирующийся индивидуум, часть среды под его влиянием	изменение представлений, установок, манер поведения индивидуума, реструктуризация среды
ассимиляция	ценностной, поведенческий	политически и/или численно доминирующая группа	индивидуумы или группы, находящиеся под влиянием доминирующей группы	одностороннее изменение ценностей, установок, манер поведения у индивидуумов и групп под влиянием
интеграция	ценностный, поведенческий, коммуникативный	социальные системы, структурирующие реальность	интегрирующиеся индивидуумы и группы	двустороннее изменение ценностей, установок, манер поведения, вступление во взаимодействие

В изучении проблем миграции особенно остро встает проблема интеграции существующего многопланового знания. Поскольку данные проблемы оказываются в фокусе внимания самых различных наук, конечный результат, представлен многочисленными, но методологически разрозненными исследованиями. В данной работе рассмотрены только теоретические концепции и подходы, направленные на изучение социальных и культурных аспектов адаптации и интеграции мигрантов в принимающем обществе. Поскольку этим задачам не соответствуют макросоциологические концепции (Э. Рэйвенстейна, Г.-Й. Гоффмана-Новотны и др.), им дается только краткая общая оценка.

Среди прочих, в качестве наиболее успешной попытки создания единой микросоциологической теории адаптации и интеграции мигрантов анализируется индивидуалистическая поведенческая концепция рационального выбора Х. Эссера. В диссертации также отражены теоретические поиски в изучении адапта-

ции как психологического феномена. Наибольшее внимание уделено рассмотрению теории “культурного шока” и, прежде всего, концепции К. Оуберга. Показана эволюция представлений о психологии адаптации, смене взглядов и научных парадигм.

Определенное внимание в работе уделено рассмотрению теорий в области изучения феномена аккультурации, и особенно доминирующей в этом направлении концепции Дж. Берри, основанной на принципах, заимствованных из естественных наук. Также представлена предложенная этим ученым и получившая широкое распространение типология стратегий аккультурации, включая такие варианты, как *ассимиляция, отграничение, интеграция и маргинализация*.

Значительное место в теоретическом разделе отводится осмыслению современных представлений о феномене идентичности, в том числе этнокультурной. Это необходимо для обоснования принципов восприятия “этнического”, которые положены в основу данного исследования.

Вопросы самоидентификации привлекают интерес ученых и философов с древних времен. Проблема сохранения тождества восприятия собственной личности в меняющемся контексте была в классическом смысле сформулирована устами Сократа в трактате Платона “Симпосион”⁸. Особое внимание тема идентичности привлекает в переломные эпохи развития человеческого общества; так это было в начале эпохи Просвещения, когда эта проблематика стала одной из магистральных в философии и литературе. Велик интерес к проблеме самоидентификации и в наше время, когда изживают себя прежние институты и принципы, и для человека открываются новые возможности и пути постижения самого себя и самореализации. При этом исследовательский контекст и толкование самого понятия идентичности в большой степени определяются соответствующим социальным контекстом. Поэтому говорят о “модернистской”, “постмодернистской” и др. идентичности.

В диссертации прослеживается развитие научных представлений об идентичности у наиболее выдающихся исследователей, чьи работы играли определяющую роль в развитии общественных наук, включая Дж. Мида, Ч. Кули, Э. Эриксона и др. Также в исследовании показано, как происходило появление постмодернистской научной парадигмы, согласно которой идентичность формируется на основе ежедневной самоидентификации индивида в постоянно меняющемся контексте. При этом возникающие на основе многообразных контактов и групповых принадлежностей частные идентичности не интегрируются в единый “образ себя”, но создают мозаичную картину, а точнее, как выражается Х. Койп вместе с соавторами, “лоскутное одеяло” идентичности⁹. Самоидентификация имеет характер процесса, в котором личность реализует различные проекты

---

⁸ См.: Keupp H., Ahbe Th., Gmur W. et al. Identitäts-konstruktionen: Das Patschwerk der Identitäten. 2. Aufl. – Hamburg, 2002. S.27

⁹ Op. cit.

идентичности, которые оказываются в разной степени успешными. Возможности индивида на этом пути ограничены, во-первых, социальной, политической и экономической практикой данного общества, а, во-вторых, доминирующими дискурсами об этой практике и общественными метадискурсами наряду с доминирующими системами ценностей и норм¹⁰.

В разделе, посвященном изучению иммигрантского сообщества, представляющего собой для многих переселенцев среду первичной социализации, рассмотрена сетевая исследовательская парадигма, ставшая в последние годы магистральной при исследовании проблем адаптации мигрантов.

У основ теории социальных сетей стояли представитель британской школы социальной антропологии М. Фортес и К. Леви-Стросс. Вклад первого заключается в разработке социальной структуры как сложного результата стратегий многих участников, подчиняющихся общим базовым правилам. Леви-Стросс отказался от прежнего восприятия групп как устойчивых структур, а социальную структуру в целом предложил рассматривать в форме возможностей трансформации, вовлеченных во взаимоотношения решающего обмена и соглашения.

Дальнейшие исследования социальных сетей пошли по пути изучения неформальных отношений в обществе. Среди базовых концепций в 1950-60-е гг. были созданы модель межличностного обмена (Дж. Трибо, Х. Келли, Дж. Хоманс и П. Блау), метод ситуационного анализа Ван-Вельзена, "теория действия" (Ф. Барт, Ф. Бэйли и др.). Эти подходы возникли в ответ на недостаточность теорий, ориентированных на группу, они, правда, отличались от сетевого анализа тем, что исследовали индивидуума во взаимодействии, но не сам социальный контекст. Одно из наиболее интересных ранних определений социальной сети дал К. Митчелл: "специфический набор связей между определенным набором индивидов с тем дополнительным свойством, что характеристики этих связей могут использоваться для интерпретации социального поведения участников"¹¹. В последующих исследованиях сетевой анализ получил дальнейшее развитие. Исследования миграции последних лет показывают большую значимость социальных сетей, сопровождающих мигранта от начала переселения до его завершения, а затем также и на этапах интеграции в принимающем обществе. Главная функция этих сетей – структурирование материальных и информационных потоков¹².

Контакты социальных сетей устанавливаются преимущественно в рамках малой социальной группы, в которой возникают эмоциональные отношения и общие групповые ценности и нормы поведения. Этнокультурная специфика социальных сетей, формируемых мигрантами, обусловлена необходимостью ис-

---

¹⁰ Op. cit. S.286

¹¹ Mitchell C. J. Social Networks in Urban Situations. – Manchester, 1969. P.2

пользования общих знаковых систем обмена информацией и чувства солидарности, готовности оказывать бескорыстную помощь и брать на себя часть рисков¹³.

Наиболее важными аспектами действия социальных сетей применительно к проблеме адаптации и интеграции мигрантов являются следующие:

- во многих случаях определяющая роль сети в выборе характера экономической деятельности мигрантов;
- значение этнической сети как среды существования и интеграции мигрантов;
- благоприятствование социальных сетей нелегальности и развитию организованной преступности.

Сетевая исследовательская парадигма развивается в тесной взаимосвязи с концепцией социального капитала, первоначально разработанной в работах П. Бурдьё. Ученый утверждает, что капитал – это сила присущая всему объективному и субъективному, это принцип внутренней упорядоченности социального мира.

По мнению П. Бурдьё, капитал встречается в трех основных формах – **экономический**, который непосредственно конвертируется в деньги и институционализирован в форме права частной собственности; **культурный**, способный преобразовываться в экономический только при определенных условиях и выражающийся, в частности, в форме квалификации; и **социальный**, складывающийся из социальных обязательств и отношений, также условно конвертируемый в экономическую форму¹⁴.

П. Бурдьё определяет **социальный капитал** как “совокупность фактических и потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сети более или менее организованных отношений взаимного знания или признания, иначе говоря, речь при этом идет о ресурсах, основанных на принадлежности к определенной группе”¹⁵. Согласно данной теории, связи, лежащие в основе социального капитала, могут существовать только на основе отношений материального или символического обмена, который они обеспечивают. При этом они учреждаются и обеспечиваются самим обществом, например, путем передачи общей фамилии, принадлежности к семье, классу, племени, партии и т. п., а также посредством прочих актов или ритуалов институционализации. При этом размер социального капитала какого-либо лица зависит от протяженности сети связей (ср. сетевой анализ), а также от размера капитала (экономического, культурного и символического) у тех, с кем оно состоит в отношениях. Для воспроизвод-

---

¹² Корякин К.В. Роль социальных и этнических сетей в миграции: теоретические аспекты. // Гуманитарная культура и этноидентификация: Труды молодых ученых. – М., 2005. С.28

¹³ Там же. С.29

¹⁴ Bourdieu P. Oekonomisches Kapital, kulturelles Kapital, soziales Kapital.// Soziale Ungleichheiten. / Kreckel R. (Hrsg.)– Göttingen, 1983. S.185

¹⁵ Op cit., S.190-191

ства социального капитала необходима постоянная деятельность в форме актов обмена, в которых бы снова и снова подтверждалось взаимное признание. При этом прямо или косвенно расходуется экономический капитал.

В дальнейшем концепция социального капитала Бурдьё была развита другими исследователями. Например, А. Портесу и его соавторам принадлежит идея существования “негативного социального капитала”, который играет отрицательную роль, затрудняя достижение определенных целей.

Т. Файст выделяет следующие формы социального капитала¹⁶:

- 1) число социальных связей;
- 2) интенсивность этих связей или информации;
- 3) центральность и авторитет в группах или сетях;
- 4) взаимные обязательства и ожидания действующих лиц;
- 5) норма взаимности;
- 6) солидарность с другими индивидуальными и коллективными действующими лицами.

В данной работе получила свое развитие также разработанная П.Бурдьё концепция **культурного** капитала.

Основное содержание понятия “культурный капитал” сводится к экономическому выражению уровня образования и профессиональной квалификации индивида. Автор подразделяет этот вид капитала на 3 формы¹⁷:

- 1) культурный капитал *в связанном* (“инкорпорированном”) *состоянии* (устойчивые качества индивида);
- 2) культурный капитал *в овеществленном состоянии* (культурные блага, образы, книги, лексика, инструменты, машины и т. д.);
- 3) культурный капитал *в формализованном* (“институционализованном”) *состоянии* (учебные свидетельства, ученые звания и т. д.).

Среди исследований о роли принимающего общества в адаптации и интеграции мигрантов особое внимание в теоретическом разделе уделено “всеобщей теории расовых и этнических отношений” М. Гордона. Также рассмотрена концепция М. Рэй, исследовавшей роль “другого” в приспособлении переселенцев на различных уровнях¹⁸:

- фактов, действий и обмена.
- образов, дискурсов, репрезентаций.
- индивидуальной и социальной идентичности.

---

¹⁶ Faist Th. Migration und der Transfer sozialen Kapitals oder: Warum gibt es relativ wenige internationale Migranten? // *Transnationale Migration.*/ Pries L. (Hrsg.). – Baden-Baden, 1997. S.75-78

¹⁷ Bourdieu P., 1983, S.185

¹⁸ Rey M. Dynamiques identitaires et integration. Pistes de reflexion et d'action dans une perspective interculturelle. // *Integrations et migrations: regards pluridisciplinaires.* / Perreiaux Ch., Ogay T., Leanza Y. et al. (eds.). – Paris-Budapest-Torino, 2001. p. 239-265

Значение правового статуса мигрантов для адаптации в различных странах показано на примере типологии моделей интеграции К. Больцмана. Также приводится более простая аналогичная типология Т.Н. Юдиной.

В разделе, посвященном исследованию стратегий и стадий адаптации и интеграции мигрантов рассматриваются пути приспособления, которыми следуют переселенцы. На основе анализа концепций В.Д. Попкова, Т.Н. Юдиной, Р. Олигера и ряда других исследователей автор показывает роль индивидуума и внешних условий в этих процессах.

Теоретическая глава завершается обзором исследовательских методов, применяемых в этносоциологическом изучении миграции, а также подробно рассматривается и обосновывается инструментарий, использованный в эмпирической части данной диссертации.

В главе 2 под названием **“Мигранты-армяне в правовом и социально-политическом контексте Краснодарского края”** рассматривается история заселения Краснодарского края армянами, причем особый акцент делается на периоде, начиная с 1988 г. Также приводятся данные о числе армянского населения, согласно материалам переписи 2002 г. и различным оценкам. Второй раздел посвящен вопросам политики администрации Краснодарского края по отношению к армянам-мигрантам, образованию на армянском языке. Особое внимание уделено анализу публичных высказываний различных общественных деятелей на армянскую тему и ее отражение в средствах массовой информации.

История армян в Краснодарском крае насчитывает многие столетия. Наиболее ранние армянские поселения датируются XI-XII вв.. В результате последующих крупных переселений в регионе формируется разнородное население армянского происхождения, состоящее из различных этнокультурных групп. Значительный приток армян из Закавказья происходит в XIV в. в связи с монголо-татарским нашествием. Периодически на территорию современного Краснодарского края мигрировали армяне из Крыма. С 1970-х гг. начинается массовое переселение армян из Османской империи (позднее – Турции), которое полностью изменило облик армянского населения региона. С этого времени устанавливается культурное доминирование выходцев из Амшена, региона, прилегающего к побережью Черного моря на северо-востоке Малой Азии.

В советский период миграция армян в Краснодарский край принимает более организованный характер: она была обычно связана с получением образования, службой в вооруженных силах, направлением на работу. Надежным ограничителем свободы перемещений в то время служил институт прописки, с которым был связан весь цикл жизнедеятельности граждан СССР. По данным переписи населения 1989 г., число армян, проживающих на территории края, составило 182,2 тыс. чел. (в том числе, в Адыгее, входившей на тот период в его

состав – 10,4 тыс. чел.)¹⁹.

В связи с армянскими погромами в Сумгаите и Баку (Азербайджан), военными конфликтами в Нагорном Карабахе и Абхазии, острым экономическим кризисом в Армении приток мигрантов-армян с конца 1980-х гг. в Краснодарский край резко увеличился, причем миграция приняла вынужденный, стрессовый характер. При этом достоверно определить современное число армян представляется невозможным. Один из источников информации – перепись населения, проведенная в 2002 г., по данным которой к армянам причислили себя 274566 чел.. Согласно переписи, наибольшее число армян проживает в таких городах как Сочи (городское население – 46,9 тыс.), Краснодар (21,4 тыс.), Армавир (18,3 тыс.), Новороссийск (12,1 тыс.) Значительно как городское (151766 чел.), так и сельское “армянское население” (122800 чел.) в крае²⁰. При этом в литературе фигурируют оценки до 600 тыс. чел. (Дмитриев, 2006, С.354). Н.М. Маркина, утверждает, что в Краснодарском крае “к настоящему времени без законных оснований проживает примерно 300 тыс. мигрантов-армян, не учтенных в органах внутренних дел” (Маркина, 2006, С.54-55).

Тема численности армянского населения края выступает предметом различных спекуляций ряда региональных политиков, стремящихся убедить общественное мнение в опасности армянского доминирования в ряде районов, которое якобы является результатом целенаправленной политики с целью отторжения части региона в пользу Армении. Миграционная тематика активно используется в предвыборной борьбе, как популярная у избирателей, многих из которых за 2 десятилетия пропаганды убедили в том, что приезжие является главной проблемой края и причиной большинства экономических трудностей.

Отсутствие достоверных данных о численности мигрантов-армян, их возрастном, половом и профессиональном составе существенно ограничивает возможности социологии по изучению проблем адаптации и интеграции переселенцев. Сложности возникают также в связи с тем, что мигранты-армяне прибыли в Краснодарский край как из разных государств Закавказья (Армения, Грузия, Азербайджан), так и из регионов России. При этом различные по происхождению группы расселены географически неоднородно. По данным экспертов, большая часть беженцев из Баку разместились в крупных городах, в первую очередь в Краснодаре. Среди переселенцев из Нагорного Карабаха, наоборот, повышена доля сельских жителей. А выходцы из Абхазии предпочитают селиться в Сочинском районе, неподалеку от своей родины. Таким образом, возможности использования метода случайной выборки с последующим применением статистических процедур обработки данных вызывают большие сомнения. Теоретически возможно проведение сравнительного анализа по различным когортам между

---

¹⁹ Национальный состав Краснодарского края по данным Всесоюзной переписи населения на 12.01.1989. – Краснодар, 1990. С.83-84

²⁰ Итоги всероссийской переписи населения 2002 года по Краснодарскому краю. Т. 4. – Краснодар, 2005

группами. Однако и здесь возникают трудности, обусловленные дисперсным характером расселения мигрантов, многие из которых не имеют официальной регистрации, их адреса можно получить только по неформальным каналам. В этой ситуации для исследования проблем адаптации мигрантов-армян подходят только мягкие методы, включая экспертизу и открытое интервью. Преимуществом последнего является также возможность получить более глубокие знания об изучаемых вопросах через призму индивидуального опыта каждого переселенца.

Среди факторов адаптации и интеграции мигрантов в данной диссертации рассмотрены следующие направления деятельности региональных властей и общественных организаций с конца 1980-годов:

- 1) меры в отношении переселенцев (принятие специфических для Краснодарского края правил регистрации по месту жительства, ограничения для приезжих в реализации права на частную собственность, на заключение брака и т. п.);
- 2) информационная политика в СМИ по проблеме миграции и межнациональных отношений;
- 3) политика в сфере образования.

С конца 1980-х гг. на территории Краснодарского края вводится особый режим пребывания мигрантов. Инициатива в этом вопросе принадлежала Совету Министров СССР, принявшему в декабре 1987 г. постановление «Об ограничении прописки в Крымской области и некоторых районах Краснодарского края». Администрация региона восприняла это решение как руководство к действию и с августа 1989 г. начала самостоятельно принимать нормативные акты против миграции и мигрантов, что с самого начала противоречило Конституции, согласно которой эта сфера не относится к ведению краевых органов власти. Такую политику проводили все руководители региона, не взирая на принадлежность к той или иной политической партии, включая В.Н. Дьяконова, А.М. Ждановского, Н.Д. Егорова, Е.М. Харитонову, Н.И. Кондратенко и А.Н. Ткачева²¹.

Политика региональных властей по ограничению прав мигрантов (включая граждан России, желающих переселиться в Краснодарский край) осуществляется по двум основным направлениям:

- 1) Принятие нормативных актов, ограничивающих регистрацию переселенцев по месту жительства и реализацию ими различных прав (на частную собственность, на труд, на социальную помощь, заключение брака и т. д.).
- 2) Издание негласных директив по линии исполнительной власти, направленных на то, чтобы ограничить права определенных нежелательных категорий мигрантов (с учетом этнической принадлежности).
- 3) Мероприятия по задержанию и высылке за пределы края мигрантов определенной этнической и социальной принадлежности (например, по результатам проверки соблюдения паспортного режима работниками рынков).

---

²¹ Осипов А. Г. Краснодарский край как витрина российской национальной политики.// Диаспоры. 2004. №4. С.12-13

В данной работе проводится анализ нормативных актов, изданных краевыми законодателями, включая законы Краснодарского края “О привлечении и использовании иностранной рабочей силы на территории Краснодарского края” (от 9 июня 1997 г., с дополнениями от 14 июля 1997 г., от 3 июня 1998 г., от 19 июля 2000 г.), “О пребывании и жительстве на территории Краснодарского края” (от 27 марта 2002 г.), “О мерах по предотвращению незаконной миграции в Краснодарский край” (от 23 июня 2004 г.), постановления законодательного собрания Краснодарского края “О мерах по усилению государственного контроля за миграцией и административному выдворению лиц, незаконно находящихся на территории Краснодарского края” (от 27 марта 2002 г.), “О мерах по регулированию миграционных процессов и обеспечению защиты прав и законных интересов граждан РФ, проживающих на территории Краснодарского края” от 13.08.2003, ряд других документов.

В Краснодарском крае обсуждения темы миграции общественными деятелями, журналистами и информационными обозревателями сильно политизированы. По мнению Я.В. Ракачевой, мигранты выступили тем самым “замещающим объектом”, который используется региональными властями Краснодарского края для того, чтобы возложить на него всю вину за экономический кризис, низкий уровень жизни, и социальное неравенство²². Как отмечают О.А. Оберемко и М.М. Кириченко, особенно остро политические дебаты вокруг миграции принимают накануне выборов²³. Региональные политики видят, что данная тема пользуется популярностью у избирателей, поэтому стремятся разыграть “миграционную карту” в предвыборной борьбе. Последствием многолетней пропаганды антимигрантской истерии для общественного сознания стало устойчивое мифологизированное представление о преувеличенном влиянии миграции на социально-политическую ситуацию в крае. Причем популярность этого дискурса продолжает сохраняться на фоне постоянно снижающихся масштабов миграции. Как подчеркивают наблюдатели, именно принятие региональных законов против миграции, “травля” мигрантов сверху во многом спровоцировали насильственные действия по отношению к ним со стороны неформальных объединений (Попов, 2000, С.56).

Сфера образования – важное направление деятельности органов государственной власти. Она открывает широкие возможности по интеграции мигрантов, приобщению молодого поколения к жизни общества, социализации детей и подростков, для которых остро стоят вопросы идентичности. В данной работе рассматривается многолетний опыт этнокультурного образования для армян в Краснодарском крае, и анализируются современные подходы к его развитию. На основе мнения экспертов из образовательной сферы автор делает вывод о не-

---

²² Ракачева Я.В. Средства массовой информации в межнациональном диалоге (по материалам Краснодарского края). // Миграция и толерантность. Материалы междунар. научн.-практ. конф. – Краснодар, 2004. С.257-264

достаточном использовании потенциала образовательной системы в области интеграции мигрантов и о неконструктивности позиции администрации региона, стремящейся в последние годы разрушить сложившуюся сеть школ с преподаванием на армянском языке. Необходимость в развитии такого образования вызвана как наличием большого числа мигрантов-армян, чьи дети нуждаются в переходном периоде, чтобы быть готовыми обучаться в обычных школах, так и желанием представителей коренного армянского населения развивать культуру и поддерживать традиции своего народа.

В главе 3 под названием **“Адаптация и интеграция мигрантов-армян в Краснодарском крае”** представлены результаты эмпирического исследования, включая экспертизу и открытое интервью с мигрантами-армянами из Армении, Абхазии и Баку. Автор анализирует специфику миграций в период распада СССР и после возникновения независимых государств на его бывшей территории. Рассматриваются механизмы осуществления переселения, мотивы выбора места жительства, экономические аспекты процессов адаптации и интеграции, культурные стратегии приспособления к жизни в принимающем обществе, которым следуют мигранты-армяне. Особое внимание уделяется деятельности армянских общественных объединений, анализу их роли в процессах адаптации и интеграции переселенцев, месту в общественно-политической жизни Краснодарского края. В заключительном разделе III главы рассматриваются проблемы социокультурного взаимодействия мигрантов-армян и представителей принимающего общества. В центре внимания автора различные дискриминационные практики и их влияние на процессы адаптации и интеграции, а также стереотипные представления о местных жителях, которые формируются в сознании армян-мигрантов.

Вне зависимости от того, какими причинами была вызвана миграция, будь то погромы в Баку, война в Абхазии или экономический кризис в Армении, ключевую роль как в выборе местожительства, осуществлении самого переселения, так и в приспособлении к новым условиям жизни играют родственные и дружеские связи, существующие между мигрантами-армянами и местными жителями Краснодарского края. С помощью родственников и знакомых происходит обмен важной информацией, обеспечивается поиск работы, жилья, брачных партнеров, оказывается материальная поддержка, религиозные и иные услуги, связанные с жизнеобеспечением социальной группы и воспроизводством культурных традиций.

Существенных различий по мотивации между беженцами и экономическими переселенцами из Армении не выявлено. Вынужденный характер имеет миграция как из Азербайджана и Грузии, так и из Армении. При этом приходилось встречать переселенцев из Баку, успевших своевременно продать свое

---

²³ Оберемко О.А., Кириченко М.М. Вынужденные переселенцы на Кубани: институциональная перспектива управления. – Краснодар, 2001

имущество и выехать до начала погромов, сумев при этом правильно сориентироваться в выборе места жительства и т. д. Значительная часть мигрантов из Абхазии покинула родину после окончания войны именно в связи с экономическими трудностями. Проживание же в Армении, находившейся в транспортной, энергетической и торговой блокаде и в условиях войны с Азербайджаном, было не в меньшей мере сопряжено с риском для жизни.

Сферы приложения труда мигрантов-армян довольно ограничены – согласно мнению экспертов, большая часть их занята в сфере торговли, частного предпринимательства и строительстве. Недостаток социальных связей, отсутствие российского гражданства и регистрации препятствует реализации карьеры в других сферах. Определенное значение имеет социальное происхождение мигрантов и профессиональная квалификация. Так, мигранты из Баку – крупного промышленного и культурного центра – обладают более широким спектром специальностей, чем, например, переселенцы из сельских районов Нагорного Карабаха и Абхазии. Однако правовые ограничения и лишения эмигрантской жизни оказывают нивелирующее воздействие на различные группы мигрантов. Наибольшего успеха достигает не тот, кто имеет хорошее образование и специальность, а тот, кто не гнушается никакой работой. И, если на родине мигранты находились в рамках жесткой социальной иерархии, то в иммиграции они легче соглашались заниматься менее престижным трудом. Для переселенцев из Армении актуальной проблемой является то, что квалификация, полученная ими на родине, не всегда может быть реализована в России по языковым причинам.

Отношение к стране исхода среди различных групп переселенцев сильно детерминировано географическим происхождением, и выделенные группы “прорисовываются” особенно четко. Наиболее тесные связи с родиной поддерживают мигранты из Армении. Некоторые из них ведут такой образ жизни, при котором невозможно однозначно сказать, где они постоянно проживают – в Армении или России. Беженцев из Баку с их родиной связывают только воспоминания о счастливой мирной жизни, положительные стороны которой бывшие мигранты склонны абсолютизировать в противовес краснодарской действительности, материальной и лишенной налета иллюзии.

Хотя все информанты являются участниками единой сети общения, происхождение из того или иного региона, с которым связана этнокультурная специфика, общий исторический и социальный опыт, играет определяющую роль в самоидентификации и во многом структурирует повседневные практики.

Применительно к беженцам из Баку, приходится говорить о принципиальной роли социального происхождения. Большинство армян-бакинцев имеют культурные корни в Нагорном Карабахе (Арцахе), с которым их отчасти роднит языковая специфика. Однако в условиях жизни в крупном поликультурном и космополитичном городе, имея высокий уровень образования, последующие поколения выходцев из сельской карабахской среды приобрели такие культурные особенности, которые позволяют представителям этой группы четко отграничивать себя не только от армян, приехавших из Абхазии, Армении и т. д., но и от

переселенцев из Карабаха. Мигранты из Баку, хотя и отличаются большей близостью к русским в плане культуры, сохраняют, пожалуй, не менее прочную “привязку” к собственным этнокультурным ориентирам и ценностям. Участвуя на равных с остальными в экономической деятельности, беженцы из Баку остаются ориентированы на специфический “бакинский” этос в вопросах брака, семейных традиций, культурного потребления. Эта установка не означает приверженности только лишь кругу бакинских армян, но всем представителям интернациональной культуры советской культурной столицы Закавказья. “Русские” из Баку столь же желанны в этой среде, поскольку они являются полноценными носителями специфической ментальности, знакомыми с нормами и правилами чересчур космополитичной для мусульманского Азербайджана, но слишком патриархальной для российского Краснодара культурой.

Мир мигрантов-армян из Абхазии, относительно изолированно существующий в Сочинском районе, гораздо гармоничнее вписывается в местную социальную среду, более толерантную к переселенцам, чем остальная часть Краснодарского края. На Черноморском побережье, где с рубежа XIX-XX вв. существует значительное население потомков беженцев из турецкого Амшена, армяне-мигранты не воспринимаются в качестве чужаков. Большинство из них имели до переселения тесные контакты как с местными жителями, так и с русскими центральной России, познав в советское время на примере многочисленных курортников многообразные проявления “русской души”. С коренным армянским населением Причерноморья мигрантов из Абхазии связывает общий диалект, сходные хозяйственные занятия и образ жизни. Таким образом, представители этой категории мигрантов встречают меньше препятствий на пути адаптации и интеграции в местной среде.

Мигранты из Армении – наиболее контрастная группа. В самом общем уровне их можно подразделить на 2 основные подгруппы в соответствии с различными стратегиями переселения и интеграции. Первые использовали традиционный для советского времени путь географической и социальной мобильности, оказавшись в Краснодарском крае в связи с получением образования или распределением на работу. Единственно возможным путем для них стала ассимиляция в “русской” среде, означающая отказ от ориентации на традиционные культурные ценности и ориентиры идентичности. Для этой категории мигрантов характерны смешанные браки, разрыв с Арменией, выбор профессии в госсекторе. Данная стратегия была единственно эффективной в советское время: она позволила освоить на должном уровне русский язык, вписаться в местную систему социальных связей, по-настоящему закрепиться в социально-экономическом пространстве.

Противоположную стратегию использовали мигранты из Армении, въехавшие позднее начала 1990-х годов, когда многие пути социальной мобильности для армян оказались закрытыми. Эти люди - более старшего возраста, получившие образование на родине, часто на армянском языке. Несмотря на часто достаточно высокий уровень образования, в силу вышеназванного факта ми-

гранты не смогли его реализовать. Многие переселенцы из Армении уже имеют на родине свои семьи, либо привозят их с собой, прихватывая тем самым и часть традиционного армянского быта. Очень часто они общаются в домашнем кругу по-армянски, ведут традиционный образ жизни, часто ездят в Армению. Их положение можно сравнить с ситуацией турецких “гастарбайтеров” в Германии. Эти мигранты часто воспринимают свое нахождение в России как временное, не стремятся устанавливать широких контактов с принимающим обществом, не заинтересованы в интеграции.

Важным аспектом жизни армян-мигрантов является общественная деятельность, и, прежде всего, участие в армянских добровольных ассоциациях. Хотя в них вовлечены далеко не все мигранты, деятельность этих организаций имеет большое значение для общественной жизни региона. Власти часто стремятся воспринимать их в качестве посредников в своих отношениях с мигрантами-армянами. Да и лидеры самих ассоциаций претендуют на подобное представительство. Интересно также рассмотреть роль мигрантов в деятельности армянских общественных объединений.

Основными функциями данных организаций являются следующие:

- 1) Этнокультурная пропаганда.
- 2) Представление иммигрантского сообщества.
- 3) Помощь в процессе иммиграции.
- 4) Содействие в адаптации и интеграции мигрантов.
- 5) Поддержание связи иммигрантских сообществ со странами происхождения.

Армянские общественные объединения в Краснодарском крае представлены, во-первых, значительными по численности и влиянию организациями, возникшими на базе крупных концентрированных групп армянского населения и больших городов с соответствующей социальной инфраструктурой, во-вторых, подразделениями “Союза армян России”, образовавшимися в результате поглощения других организаций или учреждения филиалов, и, в-третьих, небольшими ассоциациями, формально находящимися в составе более крупных объединений, но имеющих свою социальную базу и развивающихся по собственным законам (женские, молодежные, спортивные, театральные и танцевальные объединения).

Армянская община Краснодарского края находится под влиянием государства, центральной и региональной власти. Это влияние, во-первых, выражается в принятии нормативных документов, определяющих правовые рамки деятельности общественных организаций. Во-вторых, государственные чиновники федерального, регионального и местного уровней употребляют власть в отношении конкретных организаций и лиц для достижения своих целей. В-третьих, сами деятели армянских организаций оказываются включенными в иерархию власти и могут использовать свои возможности в утверждении влияния в рамках организации, в извлечении личной выгоды (материальной и нематериальной) или в более успешном выполнении организацией ее целей.

Спецификой армянской общественной деятельности является отсутствие четких границ между организациями, представляющими интересы мигрантов и теми, кто обслуживает старожильческое армянское население.

Армянские общественные организации находятся в состоянии постоянного развития: они появляются и исчезают, увеличивают и уменьшают свое влияние, изменяют свои цели, методы деятельности, организационную форму, внутреннюю структуру, организационную культуру. Среди наиболее общих тенденций в развитии армянских общественных организаций является тенденция централизации, проявляющаяся во все большем подчинении независимых объединений “Союзу армян России”, а также увеличивающейся роли лидеров из числа мигрантов при одновременном вытеснении менее активных представителей коренной армянской общины. В плане целей деятельности в совокупности с тенденциями в политике местных властей наблюдается смещение от культурно-просветительской направленности в сторону политических задач.

Важным аспектом исследования проблем адаптации и интеграции мигрантов является анализ их отношений с “принимающим обществом”. Определение конкретно социологического и этнокультурного содержания данного понятия представляет серьезную проблему. Можно сказать, что для каждого иммигранта существует своя “принимающая” среда, определяемая локальной, социальной и индивидуальной спецификой контекста социальных взаимодействий. При этом представляется невозможным определение главных и второстепенных элементов без учета индивидуальных особенностей самого мигранта. Такие факторы как пол, возраст, семейное положение, уровень образования, профессиональная принадлежность в большой мере определяют, на каком социальном уровне будут происходить взаимодействия, то есть во многом уже характер социальной среды. Для малолетних детей многостороннее и многомерное краснодарское общество становится средой первичной социализации. Замужняя женщина, занимающаяся домашним хозяйством и воспитанием детей, будет иметь качественно и количественно иные отношения с представителями “принимающего общества”, чем трудоспособный мужчина, который, в свою очередь, может заниматься различными видами деятельности, от чего зависит его социальный статус и характер непосредственного окружения. Не последнюю роль здесь будет играть и предыдущий этнокультурный опыт (знание языков и различных диалектов, наличие ранних контактов с данной культурной средой, продолжительность и характер данных контактов).

“Принимающее общество” можно формализовать в различных категориях – более “материальных” как “соседи”, “коллеги по работе”, “клиенты”, “представители власти”, и более абстрактных – “русские”, “краснодарцы”, “кубанцы”, “местные жители” и т. д.

В процессе ежедневной рутины мигранты-армяне устанавливают со старожилками как личные, так и деловые отношения. Наличие подобных контактов важно для жизнеобеспечения переселенцев и преодоления многочисленных трудностей, связанных с миграцией и приспособлением. Граница между дело-

выми и личными отношениями всегда условна, они часто пересекаются и смешиваются. Характерные примеры этому можно найти при анализе отношений мигрантов с соседями. Здесь с обеих сторон присутствует объективная потребность в сотрудничестве, и она в большинстве случаев преобладает над различного рода эмоциональными оценками. Поэтому в большинстве случаев информанты характеризовали свои отношения с соседями как “отличные”, “хорошие”, а ситуации конфликта здесь - исключения из правила.

Однако наряду с примерами позитивного взаимодействия, мигрантам-армянам нередко приходится сталкиваться с проявлениями дискриминации на этнической почве, причем не только экономике и публичной сфере (что отмечалось выше), но и на бытовом уровне (некорректное обращение критические замечания в адрес мигрантов-армян со стороны обычных граждан, физическое насилие, нанесение ущерба имуществу мигрантов-армян и т. д.).

Проявлениями дискриминации обостряют восприятие культурных различий, имеющих место между мигрантами и местным населением. В результате у переселенцев-армян часто формируются негативные стереотипные представления о местных жителях. Стереотипы не обязательно формируются в результате собственного опыта информанта, но часто внутри коммуникативной общности, транслируясь посредством социальной сети.

В Заключение подводятся итоги исследования, и дается обзор основных результатов.

На современном уровне развития научного знания в сфере изучения социальных и культурных аспектов миграции приоритет принадлежит исследованиям на мезоуровне, который соответствует малой социальной группе. Попытки более глобального осмысления этих вопросов показывают невозможность объяснения различий, обусловленных действием факторов, связанных с функционированием социальной сети. В ее рамках большую роль играют неформальные отношения и традиционные формы обмена, которые выступают эффективной стратегией преодоления экономических и правовых барьеров, которые возникают как в процессе осуществления миграции, так и в период адаптации и интеграции в принимающем обществе. Также несостоятельными показали себя теории, в основу которых положен принцип индивидуального выбора, в которых анализировалось поведение мигранта как отдельно взятой личности. Обнаружено, что как само решение об осуществлении миграции, так и следование определенной стратегии адаптации и интеграции лишь отчасти обусловлены самостоятельными решениями индивидуума, но гораздо больше зависят от малой социальной группы и ее членов. В рамках же социальной сети важную роль играет этнокультурная специфика, учет которой открывает широкие исследовательские перспективы для этнологии с ее особыми научными методами. При этом внешние условия, в том числе социально-политический контекст, сохраняют свое большое значение в процессах адаптации и интеграции мигрантов,

своеобразно преломляясь в социальных механизмах и феноменах, инициированными этносоциальной сетью и иммигрантским сообществом в целом.

Данные теоретические выводы находят свое подтверждение на материалах эмпирического исследования. На примере мигрантов-армян удается выявить существенную роль неформальных отношений в процессе переселения, выборе вида экономической деятельности, поиске места работы, жилья и т. д. Социальная сеть и иммигрантское сообщество представляют для многих переселенцев среду первичной социализации и могут достаточно долго сохранять свое значение на протяжении жизни мигранта. При этом структурирующую роль в отношениях в рамках малой социальной группы играют культурные особенности, связанные с происхождением индивида из конкретного географического и социального пространства. Значимость этих особенностей определяется, с одной стороны, необходимостью использования общих знаковых систем обмена информацией и чувства солидарности, готовности оказывать помощь и брать на себя часть возможных рисков.

Широкое использование описанных стратегий приспособления мигрантами-армянами в Краснодарском крае не в малой степени обусловлено неблагоприятными условиями, создаваемыми региональными органами власти. Ограничения прав переселенцев, вводимые специфическими нормативными актами, отражаются во всех аспектах жизнедеятельности переселенцев и провоцируют негативные установки как по отношению к местной администрации, так и к коренным жителям региона.

Представление о единой армянской общности Краснодарского края используется в политике идентичности общественных организаций, а также проводится лидерами региональной власти. Однако в повседневной жизни мигрантов-армян большое значение имеют связи с более узкими сообществами, объединяемыми общностью географического происхождения и этнокультурной специфики.

Список работ, опубликованных по теме диссертации

1. *Корякин К.В.* Проблемы адаптации и интеграции армян-мигрантов в Краснодарском крае. // Этнографическое обозрение. 2006, №1, С.62-72
2. *Корякин К.В.* Роль социальных и этнических сетей в миграции: теоретические аспекты. // Гуманитарная культура и этноидентификация: Труды молодых ученых. Вып. 2. – М. 2005, С.28-36
3. *Корякин К.В.* Условия адаптации и интеграции мигрантов-армян в Краснодарском крае. // Полевые исследования Института этнологии и антропологии - 2004. – М., 2006, С.34-50
4. *Корякин К.В.* Деятельность армянских общественных организаций в Краснодарском крае. // Полевые исследования Института этнологии и антропологии - 2005. – М., 2007 (В печати - 1 авт. л.).

5. *Корякин К.В.* Деятельность армянских общественных организаций в Краснодарском крае в контексте современной миграционной ситуации: цели и задачи.// Третьи Лазаревские чтения по истории армян России./ Сост. И ред. Э.Е. Долбакян – М., 2007 (В печати - 0,4 авт. л.)

Публикации в Интернете:

1. *К. Koryakin* Social Adaptation and Integration of Armenian Migrants in the Krasnodar Province of Russia. Preliminary report. (0,2 авт. л.)
http://iserwww.essex.ac.uk/furs/funding/grants/awarded/reports/koryakin_Jul_2006.doc (01.04.2007)
2. *К. Koryakin* An Experience of Independent Local Migration and Migrant Policy in the Krasnodar Region of Russia.// Conference Reader. Multi-Level Governance of Immigration Flows. 31st March - 3rd April 2005. Athens (Greece) pp.18-19 (0,1 авт. л.) www.emz-berlin.de/konf_e/pdf/Reader_KN3.pdf (01.04.2007)

Подписано в печать 19.04.2007
Формат 60 x 84 1/16
Объем 1,75 п.л. Тираж 100 экз. Заказ №

Участок оперативной полиграфии
Института этнологии и антропологии РАН
г. Москва, ул. Вавилова, 46